

ИСТОРИИ

«Авторитарные режимы рушатся из-за внутренних конфликтов, а не из-за протестных выступлений» Политолог Владимир Гельман — о том, как Россия за 10 лет превратилась в государство с «недостойным правлением»

08:07, 6 января 2020 · Источник: Meduza

Фото: Антон Карлинер / Sipa / Scanpix / LETA. Полицейские готовятся задерживать протестующих у памятника Кириллу и Мефодию. Москва, 10 августа 2019 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Почти ни у кого нет сомнений в том, что российская власть, сохранив демократическую Конституцию, уже давно стала авторитарной по сути. Если в начале 2010-х годов казалось, что либерализация вполне возможна, то теперь почти все уверены, что в ближайшем будущем этого не случится. В 2019 году вышла книга профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге и Университета Хельсинки Владимира Гельмана, в которой он характеризует российскую политическую систему как «недостойное правление». Журналист «Медузы» Дмитрий Карцев поговорил с ним о том, как устроен политический режим в России и что ждет его дальше.

«Популист в России — это Навальный, а Путин скорее наоборот»

— Ближе к концу 2010-х годов на Западе заговорили о популистской волне и в связи с этим стали приводить в пример Владимира Путина как популиста у власти. Он действительно популист?

— Мне кажется, разные люди под популизмом понимают совершенно разные вещи. На мой взгляд, правление Путина с точки зрения экономической политики

и принимаемых в ее русле решений отнюдь не популистское, а скорее даже антипопулистское. Мы не видим, например, со стороны властей никаких дополнительных социальных выплат обездоленным слоям населения для того, чтобы заручиться их поддержкой. Хотя Путин довольно успешно использует разного рода стратегии манипуляций общественным мнением и средствами массовой информации, но вообще-то подобные стратегии успешно применяют самые разные политики. Если же понимать популизм как политическое явление — попытки отдельных партий и лидеров во многих странах прийти к власти, выступая от имени народа и противопоставляя себя правящим элитам, — то это совсем не то, чем занимается Путин. Поэтому мне кажется, что использование термина «популизм» здесь не вполне корректно. Скорее я соглашусь с моим финским коллегой Юсси Лассилой, который считает, что популист в России — это Алексей Навальный, а Путин никакой не популист.

— Как в целом изменился российский политический режим за последние 10 лет?

— Российский политический режим в 2010-е годы пережил процесс консолидации. Иными словами, те тенденции, которые сложились в 2000-е годы, были закреплены политически и институционально, и режим в общем и целом упрочился. И если в начале 2010-х

годов у многих наблюдателей и участников российского политического процесса были иллюзии в отношении возможной либерализации этого режима, то теперь все видят вполне себе консолидированный авторитарный режим.

— **Что стоит за словом «консолидированный»?**

— Этот режим устойчиво функционирует: не существует серьезных, по крайней мере внутривполитических, факторов, которые способны его качественно изменить в обозримом будущем. Соответственно, такой режим находится в состоянии политического равновесия.

И мы не предполагаем, что он вдруг сам собой может превратиться во что-то другое.

— **Насколько велика сейчас личная власть Путина?**

— Точно мы не знаем. Я, по крайней мере, не обладаю никакой инсайдерской информацией, но предполагаю, что Путин — это, как говорят политологи, вето-игрок, то есть деятель, без согласия которого (не обязательно явного) не может быть принято ни одно значимое решение. А он, в свою очередь, может заблокировать принятие любого решения, с которым не согласен. Другое дело, что по каким-то вопросам он может выступать активно и непосредственно определять развитие событий, а по каким-то — делегировать принятие решения тем или иным чиновникам.

Каков круг этих вопросов в данную конкретную минуту, мы, разумеется, не знаем, потому что это зависит от приоритетов главы государства. Судя по всему, внешней политикой Путин руководит лично. По крайней мере, тем, что касается отношений с Соединенными Штатами Америки или с Украиной. Но наверняка даже в этой сфере полно вопросов, которыми Путин не занимается непосредственно, а отдает на откуп Лаврову, Совету безопасности, еще кому-то. А если вдруг чиновники принимают какие-то решения, с которыми Путин не согласен, то они могут быть изменены, приостановлены или даже отменены полностью. Со временем эти приоритеты меняются, что неудивительно: трудно ожидать, что глава любого государства — неважно, демократического или нет, — сохранит один и тот же набор политических приоритетов на протяжении десятилетий.

«В 70% случаев авторитарные режимы рушатся из-за внутренних конфликтов, а не из-за протестных выступлений»

— Режим консолидируется, а экономика работает все менее эффективно. Проще говоря, люди стали жить хуже, а режим стал сильнее. Как это сочетается?

— На самом деле связь между экономическим развитием и устойчивостью политических режимов не столь очевидна, особенно в краткосрочной перспективе. Существует немало авторитарных режимов, которые вполне себе консолидированы, но при этом их экономика не растет или растет очень медленно. Более того, есть исследования, которые показывают, что связь между экономическим упадком и выживаемостью авторитарных режимов не столь значительна по сравнению с влиянием других факторов.

— **Каких?**

— Прежде всего, это внутриэлитные политические конфликты. Милан Сволик из Йельского университета провел исследование на большом массиве данных со времен Второй мировой войны и до 2000-х годов. Выяснилось, что примерно в 70% случаев авторитарные режимы рушились в результате внутриэлитных конфликтов, когда автократам не удавалось поддерживать лояльность разных сегментов элит. И лишь относительно небольшая доля крушений авторитарных режимов приходится на их свержение в результате массовых выступлений. В России правящие группы предприняли ряд довольно успешных усилий, которые минимизируют подобные риски. Поэтому на сегодняшний день вероятность такого развития событий невелика.

— Хотя много было разговоров о возможном «расколе элит»...

— Этот термин действительно употребляется в литературе, но в том виде, как его понимают, скажем, транзитологи⁽¹⁾, он возникает на довольно поздних этапах политической демократизации. И происходит не сам по себе, а под воздействием массовых выступлений. Причем когда транзитологи описывали процессы демократизации в 70–80-е годы XX века, то они имели в виду действительно крупные, массовые выступления в Латинской Америке, в Южной Корее⁽²⁾, в Польше... И даже там процессы демократизации были довольно длительными. В России же протестные выступления ни в какое сравнение не идут с тем, что наблюдалось в этих странах. Ни по длительности, ни по масштабам они не таковы, чтобы спровоцировать раскол элит.

Владимир Гельман

[Страница Владимира Гельмана в Facebook](#)

— Но вы же только что говорили, что авторитарные режимы в массе своей терпят крушение не из-за массовых выступлений...

— Здесь нет противоречия. Раскол элит, о котором писали транзитологи, происходит примерно так: при сильном давлении снизу в правящих кругах возникает размежевание между сторонниками жесткой линии, которые говорят: «Всех подавить и расстрелять, поддерживать прежний порядок любой ценой», и умеренными, выступающими за то, чтобы идти на переговоры, либерализацию, делать уступки и так далее. Типичный вариант был в Польше —

он завершился «Круглым столом» ⁽³⁾ между коммунистами и «Солидарностью».

Это размежевание по идеологическому признаку, и именно его имеют в виду ученые, когда говорят о расколе элит. Но внутри элит есть и противоречия другого рода — например, этнические или религиозные, борьба кланов или, например, конфликты с участием военных, у которых могут быть свои интересы и предпочтения. Такие конфликты, как правило, ведут не к демократизации, а гораздо чаще к тому, что одни авторитарные режимы сменяются другими.

— Вы сказали, что не видите внутриполитических факторов, которые могут изменить режим.

Но ведь Путин однажды по тем или иным причинам уйдет. Если это случится в более-менее стабильной ситуации, без войны и полного коллапса, трудно представить, что тот, кто его сменит, не попытается провести какие-то реформы, отменить какие-то запреты, наладить отношения с миром — просто потому что нет никакой другой повестки.

— Весь вопрос в том, насколько масштабными будут изменения. Приведу медицинскую аналогию.

Представьте себе, что у вас очень тяжелое заболевание и вам говорят: «Вам нужна серьезная хирургическая операция, замена частей тела или пересадка органов».

Вы можете пойти на такой решительный шаг, а можете ограничиваться частными изменениями, которые не позволят преодолеть болезнь, но могут на время приостановить наиболее вредоносные ее последствия.

У авторитарных лидеров довольно редко возникает энтузиазм по поводу улучшения государственного управления. Куда чаще пар уходит в свисток, что произошло при Дмитрие Медведеве. Другой, более интересный пример — это те реформы, которые были предприняты в период первого президентского срока Путина. Тогда в российском политическом классе было понимание — и я думаю, Путин его разделял, — что очень многие проблемы, с которыми столкнулась Россия в 90-е годы, шли от плохого качества государственного управления. И меры, предпринятые в начале 2000-х годов, как раз и были направлены на то, чтобы улучшить его. Это и налоговая реформа, и рецентрализация государства, связанная с пересмотром федеративного законодательства и борьбой с региональным протекционизмом. Но в какой-то момент оказалось, что на самом деле можно править страной и без того, чтобы улучшать качество управления, и весь реформаторский энтузиазм сошел на нет.

Более того, американские авторы Андреа Кендалл-Тейлор и Эрика Франц в сравнительном исследовании «Когда диктаторы умирают» показывают, что в случае

смерти диктатора ему на смену, как правило, приходит другой диктатор. Причем чем дольше диктатор управлял страной, тем выше такая вероятность. Проще говоря, автократ успевает зачистить политическое поле настолько, что никакой демократизации не происходит, а просто в результате какой-то схватки элит ему на смену приходит следующий автократ. Примеры Туркменистана или Узбекистана у нас перед глазами.

— Получается, реальных шансов на демократизацию почти нет?

— Обычно демократизация — это результат длительной борьбы граждан за свои права. Так было во многих странах от Южной Кореи до Бразилии⁽⁴⁾, где эта борьба сопровождалась то подъемами протестов, то волнами репрессий, то есть своеобразными приливами и отливами. Вполне возможно, что и протесты 2011-2012 годов, и то, что происходило этим летом, было звеньями длительного и большого пути. Часто, когда речь заходит о демократизации авторитарных режимов, у нас перед глазами возникает падение Берлинской стены, когда на протяжении десятилетий в ГДР ничего не происходило, а потом вдруг начались массовые выступления, они охватили всю Восточную Германию, и все быстро рухнуло. Но такие случаи достаточно редки.

«Если вы уезжаете из страны и больше в ней не появляетесь, то делаете полезное для режима дело»

— Недавно вы сказали, что не видите принципиальных отличий между подавлением протестов в 2012 и 2019 годах. Каков предел репрессий, которые возможны при нынешнем режиме? Грубо говоря, 37-й год может наступить?

— Репрессии выполняют две важные функции. Первая — карательная: если кто-то занимается деятельностью, которая воспринимается как опасная для государства, его или ее наказывают. Спектр этих наказаний очень широкий: от превентивных мер устрашения — «если будете ходить на митинги, то у вас отберут детей» — до высылки из страны, как в позднем СССР.

Политическое убийство — это предельный случай, когда с тем или иным деятелем совсем ничего сделать нельзя.

Вторая функция репрессий — продемонстрировать другим реальным или потенциальным противникам властей, что если они будут вести себя нежелательным образом, то и им тоже придется нехорошо. Политика страха призвана выполнять не столько карательные, сколько сигнальные функции: иначе говоря, можно

проводить не массовые, а селективные репрессии, но при этом добиваться большего эффекта.

Первая волна репрессий, которая начала разворачиваться после 2012 года, оказалась достаточно эффективной: число протестов и их участников реально снизилось. И вплоть до лета 2019 года мы не наблюдали каких-то значимых проявлений политических протестов. Новый их всплеск означает, что репрессии, с точки зрения властей, перестали эффективно выполнять сигнальные функции. Соответственно, реакцией на волну протестов летом 2019 года стало усиление репрессий по самым разным направлениям. Если после 2012 года удар был нанесен прежде всего по отдельным людям и по средствам распространения информации о протестах, то сейчас удары наносятся по тем структурам, которые занимаются организацией протестов, в частности, по штабам Навального. И если мы посмотрим на ситуацию глазами чиновников администрации президента, то они все делают правильно — пытаются ослабить организационный потенциал протестов, тем самым снижая вероятность того, что в обозримом будущем они будут разрастаться.

Митинг в поддержку кандидатов, не допущенных на выборы в Мосгордуму. Москва, 27 июля 2019 года

Евгений Фельдман для «Медузы»

— Это может закончиться по-настоящему массовыми репрессиями?

— Использование массовых репрессий все-таки явление из прошлого. Например, в Советском Союзе важным двигателем репрессий была потребность государства в дешевой рабочей силе, которая стимулировала к тому, чтобы увеличивать число заключенных ГУЛАГа.

В сегодняшней России таких стимулов, очевидно, нет, и российскому режиму, в общем, незачем проводить массовые репрессии в отношении каких-то социальных групп. Нет необходимости бросать за решетку тех граждан, которые и так по большей части запуганы.

Когда говорят, что российские власти отправят в места не столь отдаленные миллионы людей, то я в это не очень верю.

— Миллионы — нет, а тысячи?

— Здесь мы снова возвращаемся к прежнему вопросу: какие функции выполняют репрессии? Сигнальные функции могут выполняться репрессиями в отношении относительно небольшого количества людей. В 2012 году хватило «болотного дела», когда осудили несколько десятков человек, а несколько тысяч испугались и уехали за границу. Ну, и очень хорошо — с точки зрения властей. Если сейчас уедет еще несколько тысяч, это еще лучше, а главное — дешевле, чем заниматься преследованием еще десятков тысяч. Если вы уехали из страны и больше в ней не появляетесь, то сделали полезное для режима дело.

— Почему до сих пор на свободе Алексей Навальный — если не лидер оппозиции, то по крайней мере самый узнаваемый оппозиционный политик? Почему одних политиков репрессируют, а других нет?

— Я не знаю, что движет при принятии решения в конкретном случае, у меня нет такой информации. Политологи предполагают, что на характер репрессий влияет восприятие угроз правящими группами. Если вы сталкиваетесь с тем, что воспринимаете как

непосредственную, очень серьезную угрозу, то будете более репрессивным, чем в других случаях. Но понятно, что восприятие угроз у разных чиновников режима может быть очень разным, и то, что воспринимается как сильная угроза одними должностными лицами, не всегда является таковой для других. Но мы не знаем и, вероятно, не скоро узнаем, как воспринимают угрозы, исходящие от Навального или от кого-то еще, разные российские чиновники.

— С другой стороны, в последние годы все чаще сажают чиновников. Это ведь тоже репрессии, могут ли они усилиться?

— Для режима чрезвычайно важно не допускать острых конфликтов в элитах. И если, предположим, одна из борющихся за власть группировок получит лицензию на неограниченный отстрел своих конкурентов, это, в общем, не очень здорово. На самом деле в Советском Союзе после смерти Сталина репрессии были приостановлены и на них было наложено табу не потому, что Хрущев был более гуманным человеком, чем Берия или Маленков, а потому, что репрессии в кругах элит, если они носят массовый характер, представляют собой серьезную угрозу для режима. Помимо прочего, репрессивный аппарат получает слишком мощные рычаги контроля и влияния, как оно и было в сталинское время.

Исходя из этих соображений, можно утверждать, что и нынешний российский режим, в общем, не очень заинтересован в том, чтобы репрессии против элит носили систематический характер. Это не значит, что их не будет вообще — мы знаем о печальной участи Улюкаева и некоторых региональных чиновников, которые получали довольно серьезные сроки. Но эти случаи все равно исключение. Они тоже отчасти выполняют сигнальные функции, но масштабы этих явлений не слишком велики. Я не предполагаю, что, условно говоря, треть членов российского правительства в обозримом будущем окажется за решеткой.

«Демократизация не гарантирует достойного правления»

— Вы вводите термин «недостойное правление» в отношении российской власти. Как он соотносится с другими характеристиками современной России, такими как электоральный авторитаризм⁽⁵⁾, гибридный режим⁽⁶⁾?

— Это разные измерения. Есть политические режимы, которые могут быть демократическими или недемократическими, а есть государственное управление, которое может быть более качественным или менее качественным. Есть многочисленные

индикаторы, которые используют разные агентства и исследовательские учреждения. Но качество государственного управления не всегда напрямую связано с характеристиками политического режима. Да, в общем и целом демократии управляются лучше, чем недемократии, но есть немало примеров демократий, которые управляются плохо, и есть примеры авторитарных режимов, которым присуще относительно высокое качество государственного управления, хотя таких случаев не очень много.

— Иными словами, демократизация не обещает нам «достойного правления»?

— Да, совершенно верно. Не так мало демократий, которые, в общем, управляются не слишком хорошо. На постсоветском пространстве Украина и Молдова — это вполне себе электоральные демократии. Там проводятся свободные выборы, там есть свободные средства массовой информации, там есть свобода собраний, там много чего еще есть. Но эти страны управляются не намного лучше, чем Россия.

Инаугурация президента Украины Владимира Зеленского. 20 мая 2019 года

Андрей Нестеренко / EPA / Scanpix / LETA

— В чем причина?

— Проблема не только России, но и в целом посткоммунистических стран в том, что на обломках прежних режимов сплошь и рядом к власти приходили политики с коротким временным горизонтом планирования. У них не было никаких серьезных стимулов к тому, чтобы создавать эффективные институты и способствовать высокому качеству государственного управления. Скорее у них были стимулы вести себя как — есть такой термин, его придумал Мансур Олсон — «кочевые бандиты», то есть

быстренько побольше награть для себя и своего окружения и убежать, пока не поймали.

Другое дело, что, скажем, в Восточной Европе были довольно мощные барьеры, связанные отчасти с внутренней политической конкуренцией, но главным образом — с внешним воздействием со стороны Евросоюза. Это сочетание помогло. В России подобных барьеров для политиков и чиновников создано не было, а потому они оказались не скованы сколько-нибудь серьезными ограничениями и могут вести себя так, как им заблагорассудится.

— Вы говорите о коротком горизонте планирования, но что делать нынешним российским лидерам после Крыма, Донбасса и сбитого «боинга», кроме как планировать свою жизнь здесь? Ведь при любых других вариантах за ними будут буквально охотиться. И судя по тому, как часто мы стали слышать в новостях об их детях, занимающих высокие посты или получающих доступ к большим деньгам, есть ощущение, что процесс передачи власти по наследству уже идет...

— Есть исследование династической преемственности власти в авторитарных режимах, которое проводил американский политолог Джейсон Браунли. Он показал, что случаи династического правления в персоналистских

диктатурах достаточно редки, детям диктаторов редко удается удерживать власть. Да, Ильхам Алиев — это сын Гейдара Алиева, но я не думаю, что его собственные дети смогут так же бесппроблемно находиться у власти в Азербайджане. Более того, если мы посмотрим на судьбу прежних правителей в Узбекистане или в Туркменистане, то не обнаружим династической преемственности.

Скорее мы видим, что авторитарные лидеры стараются обеспечить своим детям и внукам безбедное будущее в развитых странах. Подобное явление хорошо описано на материалах африканских и центральноазиатских диктатур. Нечто подобное наблюдается и в России: немало детей и внуков чиновников имеют иностранное гражданство, у многих из них активы в самых разных странах и в офшорах (мы не знаем их масштабов, но думаю, что они немаленькие). Это вполне осознанная и осмысленная стратегия — эти люди хорошо понимают, что через несколько десятилетий их дети вряд ли будут занимать те же посты, что и они сами. Я не знаю, что произойдет с дочерьми Путина, когда их папа станет совсем-совсем стареньким или уйдет в мир иной, но что-то мне подсказывает, что у них мало шансов сохранить свой нынешний статус и, тем более, упрочить его.

«В 1990-е годы демократия в России была принесена в жертву рыночным реформам»

— Существуют примеры перехода от «недостойного правления» к «достойному»?

— Конечно, они есть. Иногда под сильным внешним воздействием приходится менять законодательство, вводить меры по ограничению коррупции и так далее — так происходило в Восточной Европе перед вступлением в Евросоюз. Но есть и примеры проведения реформ, направленных на повышение качества управления под внутриполитическим воздействием, когда лидеры понимают, что им необходимо что-то делать, чтобы их страны управлялись лучше. Из близких к нам примеров — то, что делалось в Грузии в период президентства Саакашвили, прежде всего, под руководством Кахи Бендукидзе⁽⁷⁾. Там было довольно серьезное продвижение по пути улучшения качества государственного управления.

— Сразу возникает вопрос: насколько корректно сравнивать Грузию и Россию — со всей ее этнокультурной сложностью, экономическим разнообразием и так далее?

— Я не считаю, что те или иные сложности ставят непреодолимый барьер на пути развития разных стран.

Верховенство права — это общественное благо, которое нужно, я думаю, в равной степени и русским, и татарам, и ингушам, и всем этническим группам нашей страны. Конкретные проявления действительно очень разные, но проблемы в общем и целом у всех общие. Другое дело, что преобразования в большой стране проводить непросто: в Грузии можно было вывести всех полицейских за штат, как это сделал Саакашвили, в России реформировать полицию намного сложнее.

Но в данном случае ведь речь идет о принципиальном подходе, а меры, понятно, могут быть разные. Проведу еще одну параллель с медициной. Если у вас диабет, вам нужно делать уколы инсулина. Конечно, нет двух одинаковых пациентов, и одному пациенту нужен один вид инсулина, другому — другой; одному нужна одна дозировка, другому — другая. Для этого и есть врач. Но главное — сам пациент, потому что если он/она знает о своей болезни и не принимает лекарства или ведет заведомо нездоровый образ жизни, то никакой врач ни с какой диагностикой, даже самой лучшей, с самыми лучшими препаратами, вылечить его/ее просто не сможет. Иными словами, прежде всего нужна политическая воля. Без этого никакое улучшение качества государственного управления невозможно.

— Картина, откровенно говоря, получается безрадостная: нужна политическая воля, но особого стимула для ее проявления нет;

демократизация если и случится, то непонятно как; и даже если она случится, то не гарантирует достойного правления. Есть хоть какие-то основания для оптимизма?

— Люди склонны учиться на прежних ошибках. В 1990-е годы демократия в России была, по сути, сознательно принесена в жертву проведению рыночных реформ. Второй раз такого рода выбор общество вряд ли сделает, и можно предположить, что борьба за демократию будет более последовательной. Кроме того, происходит смена поколений. Нынешнее поколение, для которого точка отсчета — Советский Союз, уже уходит в прошлое. Те, кому сегодня 20–25 лет — это люди XXI века, которые росли, социализировались, развивались совершенно в других условиях. Думаю, что это поколение изменит Россию довольно сильно, и надеюсь, что к лучшему.

— Но ведь это поколение выросло как раз при Путине, и другого опыта у него нет...

— Политический режим в России, по крайней мере до недавнего времени, не препятствовал экономическому росту и развитию, которые тянули за собой и другие элементы модернизации нашей страны — от ее открытости внешнему миру (сегодня она несоизмеримо больше, нежели во времена застоя) и распространения новых технологий и заканчивая навыками социальной самоорганизации

на микроуровне. Но чем дальше откладывать кардинальные перемены в России, тем больше вероятность, что способные молодые люди, не видя для себя перспектив, не станут связывать свое личное будущее с будущим нашей страны и предпочтут искать себя за рубежом. Такая опасность вполне реальна.

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ

Протест радикально изменился. Объясняем по пунктам — как именно Люди больше не боятся полиции и арестов, организаторы им не нужны

В России демократия или нет? Отрывок из книги Владислава Иноземцева «Несовременная страна»

Какой в России политический режим?

Дмитрий Карцев

(1) Транзитология

Научная дисциплина, которая изучает процесс смены одного политического режима другим, как правило, авторитарного — демократическим.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Демократизация в Южной Корее

Военные были у власти в Южной Корее с 1961 по 1987 год, иногда прибегая к демократическим процедурам, но чаще используя диктаторские методы правления. Экономика страны росла, однако власть преследовала инакомыслие. Демократические выборы были проведены только в 1987 году.

[Вернуться к тексту](#)

(3) «Круглый стол» в Польше

Переговоры между коммунистическими властями Польши и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», которые шли в феврале — марте 1989-го после серии забастовок годом ранее. Закончились решением о проведении свободных выборов в некоторые из органов власти и постепенной демократизацией страны.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Демократизация в Бразилии

Военная диктатура была у власти в Бразилии с 1964 по 1985 год. Первоначально военные провели эффективные либеральные реформы, которые, однако, вскоре привели к росту неравенства и общественного недовольства. Кроме того, военные активно преследовали инакомыслящих. С середины 1970-х годов постепенно начался процесс ослабления режима.

[Вернуться к тексту](#)

(5) Электоральный авторитаризм

Электоральный авторитаризм отличается от традиционного тем, что выборы не просто проводятся, но рассматриваются как основной способ легитимности режима. Реальная власть — в руках автократа, но при этом считается, что ее источник — волеизъявление избирателей.

[Вернуться к тексту.](#)

(6) Гибридный режим

Гибридными называют режимы, которые сочетают элементы демократической политической системы и авторитарных институтов и методов управления. Чтобы считаться гибридным, политический режим должен допускать существование не менее двух легальных политических партий, участвующих в парламентских выборах.

[Вернуться к тексту.](#)

(7) Каха Бендукидзе (1956-2014)

Российский и грузинский бизнесмен и политический деятель. С конца 1980-х до середины 2004 года занимался предпринимательской деятельностью в России, в частности, был генеральным директором холдинга «Объединенные машиностроительные заводы». С 2004 по 2009 год работал в правительстве Грузии.

[Вернуться к тексту.](#)